

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 469-478
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.469

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Phenomenon of Student Press in the Early 20th Century as an Object of Historical Anthropology: Toward a Reading of “Texts from Below” (“Artichokes and Almonds” and “Anopheles”)

Ruslan A. Tleptsok ^{a, *}

^aRussian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article explores the phenomenon of student periodicals in the Russian Empire in the early 20th century through the lens of historical anthropology. The key objects of analysis are the handwritten journals of the Petrovskaya Agricultural Academy – “Artichokes and Almonds” and “Anopheles” – which are considered valuable “texts from below” that allow us to reconstruct the everyday life, mentality, and practices of students. The paper highlights the methodological difficulties of attribution and typology of student publications, conditioned by the liminal status of students as a social group and the mixed composition of editorial boards. The author thoroughly analyzes how the texts of these journals constructed group identity, expressed protest sentiments through Aesopian language, satire, and irony, and captured key aspects of everyday life: the “stomach economy” and gastronomic practices (using the restaurant “Martyanich” as an example), the semiotics of clothing, gender relations, and bodily practices. It is concluded that student periodicals represent a comprehensive source for studying not only political ideas but also the formation of new social identities, the “history of feelings”, and the symbolic codes of student subculture in the pre-revolutionary era.

Keywords: historical anthropology, Petrovskaya Agricultural Academy, student press, “texts from below”, the everyday life of students in the Russian Empire, “Artichokes and Almonds”, “Anopheles”, microhistory.

1. Введение

Студенческая среда Российской империи второй половины XIX – начала XX в. с точки зрения исторической антропологии представляет собой уникальное социальное и культурное пространство («микрокосм»), выступавшее мощным генератором общественных идей и одним из основных очагов формирования протестного дискурса. Именно в этой среде, через призму повседневных практик, коммуникации и формирования корпоративной идентичности, кристаллизовались новые модели социального поведения и интеллектуальные стратегии. Функции студенческой периодики начала XX в. были многогранны, не ограничиваясь трансляцией актуальных знаний и интеллектуального обмена; она играла ключевую роль в консолидации академического сообщества, формировании корпоративной культуры и становлении самостоятельной общественной позиции студенчества.

В Российской империи всплеск самостоятельной издательской активности студентов пришёлся на конец XIX в., а своего апогея достиг в начале XX в. Однако классификация этого спектра периодической печати сопряжена со значительными методологическими сложностями, вытекающими из самой природы явления. Ключевыми проблемами являются атрибуция и типология студенческих изданий. При обращении к персонификации издания важным становится критерий

* Corresponding author

E-mail addresses: bum102@yandex.ru (R.A. Tleptsok)

редакционной коллегии. Наиболее простой для идентификации случай – издания, редколлегия которых состояла исключительно из студентов. Однако значительно чаще встречались смешанные редакции, включавшие преподавателей, выпускников или даже учащихся других учебных заведений. Подобное сотрудничество, с одной стороны, обогащало содержание, а с другой – размывало границы сугубо «студенческого» голоса, что требует более гибкого подхода к классификации. Антропологический подход позволяет выявить ключевые методологические сложности атрибуции и типологии этих изданий, которые проистекают из самой природы студенчества как переходной, «лиминальной» социальной группы. Проблема персонификации, например, через анализ редакционной коллегии, показывает, что границы «студенческого голоса» были крайне подвижны. Наиболее интересны для исследования именно смешанные редакции, включавшие преподавателей, выпускников и учащихся других заведений, поскольку они демонстрируют сложность сетевых связей и процесс культурной трансмиссии, размывавший чёткие корпоративные рамки.

Не менее значима с антропологической точки зрения и проблема тематической принадлежности. Деятельность студентов-журналистов не ограничивалась университетским микрокосмом, активно осваивая внешнее пространство. В таких случаях фокус идентичности смещался с принадлежности к студенческой корпорации на лояльность политическим партиям, художественным течениям (символизм, футуризм) или профессиональным сообществам. Это требует от исследователя анализа не столько формальных критериев, сколько того, как в текстах конструировалась и переживалась эта множественная идентичность. Несмотря на эти сложности, к началу XX в. оформились две основные модели университетской периодики, отражавшие разные стороны студенческой жизни. Официальная («Известия», «Ученые записки») выполняла репрезентативную функцию, интегрируя студенчество в академическую иерархию. Неофициальная или полуофициальная ветвь, получившая мощный импульс после ослабления цензуры в 1905–1907 гг., представляла собой «поле экспериментов» – от литературных альманахов и юмористических листков до политических прокламаций. Она была пространством, где в непосредственной практике создания текстов (например, в литературном «Артишоки и миндаль» или сатирическом «Анофелес» Тимирязевской академии) формировался язык, ценности и символические коды студенческой субкультуры. Целью данного исследования является анализ студенческих журналов Московского сельскохозяйственного института (в 1917 г. ему вернули историческое название – Петровская сельскохозяйственная академия) «Артишоки и миндаль» и «Анофелес» как комплексных источников для изучения студенческой субкультуры.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования сформирована на основе комплекса опубликованных и неопубликованных источников, которые можно разделить на три основные группы. Первую группу составили архивные документы. Для реконструкции истории студенческой жизни и печати были привлечены документы из Центрального государственного архива города Москвы (ЦГАМ) (Москва, Российская Федерация), а именно: Фонд 453 «Голицынские высшие женские сельскохозяйственные курсы» – использована переписка администрации курсов с попечителем учебного округа, касающаяся регулирования студенческих собраний и публикаций, что позволило провести сравнительный анализ гендерных аспектов в студенческой среде; Фонд 459 «Канцелярия Попечителя Московского учебного округа, г. Москва. 1836–1917». В работе привлечён корпус циркуляров ректората и отчётной документации инспекторов. Эти источники являются ценным ресурсом для изучения институциональных стратегий надзора за неформальными студенческими объединениями и так называемой «негласной» (неофициальной и зачастую оппозиционной) печатью, раскрывая систему превентивных и запретительных мер, реализуемых образовательной бюрократией.

Вторую группу составили сборники опубликованных документов и нормативные акты. Для определения правового поля, в котором функционировали высшие учебные заведения и их студенческие сообщества, исследование опирается на корпус официальных законодательных и справочных изданий. Анализ данной группы источников проведён в диахроническом ключе, что позволяет проследить эволюцию государственной политики в отношении академических прав и автономии. Устав Петровской земледельческой и лесной академии 1865 г. (Устав..., 1865) – базовый документ, закрепляющий первоначальные принципы организации академии и положения её слушателей. Устав Петровской земледельческой и лесной академии 1873 г. (Устав..., 1873) отражает изменения в управленческой и образовательной парадигме после периода «контрреформ» и ужесточения контроля над студенчеством. Положение о Московском сельскохозяйственном институте 1894 г. (Положение, 1894) – знаковый нормативный акт, фиксирующий окончательное оформление статуса института и его внутреннего распорядка на рубеже веков. Сравнительно-сопоставительный анализ этих уставов позволил выявить динамику ограничений и разрешений в сфере студенческой самоорганизации и печати.

Третья группа представлена материалами дореволюционной периодической печати. Данная группа источников обеспечивает непосредственный доступ к голосам изучаемой среды, выполняя функцию как репрезентативного, так и коммуникативного источника. В центре исследования

находятся сатирические студенческие журналы, являющиеся концентрированным выражением корпоративного самосознания, юмора и критической мысли. «Артишоки и миндаль» (1913 г.) – ежемесячный сатирический журнал, чьё содержание служит ценным материалом для анализа повестки дня, языковых кодов и форм самоиронии студенчества. «Анофелес» (1914 г.) – другое значимое периодическое издание, позволяющее через призму сатиры и карикатур реконструировать реакции студенческой среды на актуальные общественно-политические и академические события. Официальные и общественно-политические издания в данном исследовании также представлены. Для создания целостного контекста и выявления диалога между студенчеством и обществом привлекались официальные издания администраций вузов и ведущие общественно-политические журналы и газеты соответствующего периода. Это позволяет соотнести «внутренний» мир студенческой печати с «внешним» дискурсом. Таким образом, комплексное использование всех трёх групп источников создаёт надёжную основу для многоаспектного исследования феномена студенческой жизни и печати в Российской империи начала XX в.

Журнал «Артишоки и миндаль» (1913) демонстрирует сложную семиотику студенческой культуры. Название журнала, сочетающее аграрную символику (артишок) и метафорическое осмысление действительности (миндаль), отражает гибридный характер студенческого дискурса. Структурно журнал включал несколько рубрик, где через сатиру репрезентировались аспекты академического быта, а также материалы, фиксирующие повседневные практики и гастрономические привычки студенчества. Издание Студенческого общества самообразования журнал «Анофелес» (1914) акцентирует исследовательское внимание уже на проблематике названия. Семиотика названия (*Anopheles* – лат. малярийный комар) функционирует на двух уровнях: как отражение естественнонаучной ориентации академии и как метафора «заражения» либеральными идеями. Значимо, что журнал издавался в пространстве неформального клуба «Спиридоньч», чьё название отсылает к Святому Спиридону Тримифунтскому – покровителю земледелия, что иллюстрирует процесс секуляризации религиозных символов в академической среде. Таким образом, корпус студенческой периодики Петровской сельскохозяйственной академии представляет собой уникальный комплекс источников для реконструкции не только идеологических позиций, но и повседневных практик, эмоционального ландшафта и символических кодов студенческой субкультуры предреволюционной эпохи.

Методологической основой исследования является историческая антропология, ориентированная на реконструкцию повседневности, ментальности и практик прошлого. В рамках данного подхода применялись различные методы. Микроисторический анализ позволил детально изучить конкретные выпуски журналов «Артишоки и миндаль» и «Анофелес» – для раскрытия через них более широких социальных и культурных процессов. Текстуальный и дискурс-анализ способствовали выявлению в материалах журналов (фельетонах, сатирических заметках, поэзии, карикатурах) языковых кодов, символов, нарративных стратегий и способов конструирования групповой идентичности («свой/чужой»). Семиотический анализ позволил «прочсть» интерпретацию культурных кодов, заложенных в названиях журналов и клуба «Спиридоньч», а также в семиотике одежды и телесных образов в карикатурах. Привлечение методов истории эмоций способствовало научному анализу проявлений специфических эмоциональных состояний, таких как «*Studentische Schwermut*» (студенческая меланхолия), в текстах журналов для реконструкции эмоционального ландшафта студенчества. Критерием отбора источников стало документально подтверждённое участие студентов Петровской академии в создании и редакционной работе данных изданий.

3. Обсуждение

Историографический анализ проблемы студенческой печати начала XX в. демонстрирует эволюцию исследовательских подходов. Наметившийся уже в дореволюционный период процесс историографического осмысления (Сватиков, 1916) продолжился в советский период (работы П.С. Гусятникова, А.Н. Ацаркина, Г.А. Тишкина, В.В. Пешникова), в рамках которого рассматриваемая проблематика изучалась преимущественно в русле истории КПСС и комсомола (Ацаркин, 1933). Изучение дореволюционной студенческой печати осуществлялось через призму марксистско-ленинской идеологии с акцентом на её революционную и антиправительственную роль (Гусятников, 1971). Историография изучаемой проблематики формировалась под влиянием генеральной линии партии, которая видела в печати прежде всего инструмент агитации и пропаганды. Основное внимание уделялось изданиям, которые трактовались как часть революционного движения и борьбы с самодержавием. Ценность студенческой печати виделась в распространении «передовых» идей и критике государственного строя. Студенческие издания анализировались с точки зрения их социального происхождения и ориентации на «прогрессивные» силы общества (Тишкин, 1976). Одобрялись те из них, которые, по мнению исследователей, выражали интересы демократической молодёжи. Советские исследователи обращались к истории студенческой печати прежде всего для демонстрации исторической преемственности и обоснования правильности

избранного политического курса (Пешников, 1973). Этот подход отличался идеологической заданностью и игнорировал внутренний мир, мотивацию и культурные практики самих студентов.

С конца 1980-х – начала 2000-х гг. наметился поворот к более комплексному изучению темы. Исследования А.Н. Болкунова, Ю.А. Носовой, Н.Н. Юркиной и других авторов стали рассматривать студенческую печать как элемент корпоративной культуры и самоидентификации. В фокусе внимания оказались механизмы самоорганизации, дискуссии о роли интеллигенции и повседневная жизнь вузов (Болкунов, 2008). Современный этап характеризуется интеграцией методологии исторической антропологии и новой интеллектуальной истории. Студенческие журналы и газеты анализируются не как пассивные проводники идеологии, а как «тексты практик», реконструирующие систему ценностей, языки самоописания и стратегии поведения в условиях революционной трансформации (Носова, 2007). Таким образом, в историографии произошёл переход от анализа содержания изданий к изучению через них человеческого измерения истории. Для этого этапа характерен отход от жёстких идеологических схем и поворот к более комплексному изучению темы. В фокус внимания исследователей попадают корпоративная культура, самоидентификация и повседневная жизнь студенчества (Юркина, 2023). Ярким примером системного исследования является монография А.Е. Иванова «Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации» (Иванов, 2004), в которой студенчество изучается как особая социальная группа со своими традициями и практиками самоорганизации. Таким образом, историография феномена студенческой печати проделала путь от идеологизированного освещения до комплексного анализа, в рамках которого историко-антропологический подход открывает возможности для реконструкции человеческого измерения истории.

4. Результаты

Мощным импульсом для развития, особенно неофициальной ветви, стало ослабление цензуры после событий 1905–1907 гг. Введение «Временных правил о печати» в 1905 г. способствовало настоящему буму студенческих изданий, которые стали важным элементом общественного дискурса предреволюционной эпохи. Таким образом, студенческая периодика рубежа веков представляет собой сложный, многогранный и неоднородный феномен. Его изучение требует комплексного подхода, учитывающего состав редакций, тематику, целевую аудиторию и общественно-политический контекст. По мере накопления и систематизации данных о конкретных изданиях (таких как литературный «Артишоки и миндаль» или сатирический «Анофелес») становится возможным построение более чёткой и репрезентативной типологии. На современном этапе правомерным критерием для формирования исследовательской выборки служит сам факт документально подтверждённого участия студентов в создании того или иного журнала или газеты, что позволило очертить масштабы и значимость этого уникального культурно-исторического явления. Таким образом, изучение студенческой периодики через призму исторической антропологии позволяет рассматривать её не просто как набор изданий, а как сложный, многогранный феномен повседневности, в котором отражались процессы становления личности, групповых границ и взаимодействия с властными структурами. Критерием для исследовательской выборки в этом контексте становится документально подтверждённое участие студентов в создании изданий, что открывает возможность для реконструкции внутреннего мира, практик и идентичностей студенчества предреволюционной эпохи.

Петровская земледельческая и лесная академия (ныне – Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева), основанная в 1865 г., в этом отношении была одним из наиболее значимых центров. Её демократичный устав, допускавший обучение лиц всех сословий, и концентрация прогрессивно мыслящей молодёжи и профессуры создавали уникальную атмосферу, благоприятную для свободомыслия и критического осмысления действительности (Устав, 1865: 1). Важнейшим проявлением этой атмосферы стало возникновение полулегальных студенческих изданий, среди которых особое место занимают журналы «Артишоки и миндаль» и «Анофелес». Эти издания, известные сегодня лишь по фрагментарным фиксациям в историографии, сохранились и представляют собой ценный исторический источник для изучения повседневной жизни, ценностных ориентаций и форм протестной активности студенчества дореволюционного времени. Для осуществления системного анализа нелегальной студенческой периодики в контексте протестного дискурса, характерного для студенчества Петровской академии начала XX в., необходимым представляется разрешение нескольких задач. Прежде всего – реконструкция историко-культурного контекста академии как среды возникновения издания, выявление идейных и тематических особенностей содержания журнала, анализ форм и методов выражения протестных настроений (сатира, ирония, прямые требования) и, наконец, определение места журналов в системе периодики того времени.

Рассмотрение студенческого журнала начала XX в. через призму исторической антропологии позволяет выйти за рамки чисто политической или литературной истории и погрузиться в повседневный жизненный мир, ментальность и практики молодого интеллигента той эпохи. Такой журнал представляет собой уникальный «текст снизу», сквозь который можно реконструировать не

только идеи, но и саму «человеческую ткань» истории – ценности, страхи, язык, формы общения и солидарности. Прежде всего, это касается структур повседневности и «истории чувств». Официальные документы и мемуары часто дают внешний, отрефлексированный взгляд. Нелегальное или полунелегальное, рукописное студенческое издание – это моментальный снимок текущих переживаний. В его материалах (фельетонах, стихах, отчётах о собраниях) запечатлена повседневность студенчества. Здесь как отражение материального мира: описания быта в съёмных комнатах, трудности с финансированием издания, «меню» бедного студента, так и поведенческие практики, вобравшие в себя процесс тайной редакционной работы, конспиративные встречи, ритуалы посвящения в кружки, которые часто описывались или высмеивались. Не менее значим и эмоциональный ландшафт. Язык журнала передаёт специфический сплав юношеского максимализма, тоски (*Studentische Schwermut*), чувства социальной несправедливости и энтузиазма веры в грядущие перемены. Это прямая дорога к «истории эмоций».

Термин «*Studentische Schwermut*» (нем. – студенческая меланхолия, хандра) использовался в немецком языке и для описания специфического эмоционального состояния, связанного с жизнью студенчества. Это понятие сложилось в немецкой академической традиции в конце XIX в. и описывало особую форму меланхолии или хандры, присущую студенческой среде. Культурный феномен «*Studentische Schwermut*» – это не просто депрессия, а скорее романтизированное, рефлексивное состояние, характерное для молодых людей в период интенсивного интеллектуального и личностного становления. Оно сочетает в себе чувство одиночества, тоски, критическое восприятие мира и поиск своего места в нём. Использование термина в научных работах, особенно по исторической антропологии или истории образования, служит важным аналитическим инструментом – ключом к пониманию ментальности мира студентов, позволяет исследователям глубже понять внутренний мир, повседневность и эмоциональный ландшафт студентов прошлого, что, в свою очередь, помогает реконструировать не только их политические или академические практики, но и субъективные переживания. Анализ студенческой периодики, структурного наполнения студенческих журналов – идеальный источник для изучения этого феномена. Через поэзию, личные заметки, сатиру и дискуссии в «*Артишоки и миндаль*» и «*Анофелес*» можно увидеть проявления этой коллективной меланхолии, часто переплетавшейся с социальным протестом.

Не менее значимым представляется и конструирование групповой идентичности посредством дифференциации «свой/чужой». Журналы являлись не просто рупором, а инструментом создания воображаемого сообщества единомышленников. Важными в данном контексте становятся язык и используемая кодификация. Журналы «*Артишоки и миндаль*» и «*Анофелес*» относятся к категории рукописных студенческих журналов, распространённых в высших учебных заведениях России начала XX в. Подобные издания были формой внутренней коммуникации, средством самовыражения и сплочения студенческого сообщества. Их полунелегальный статус определял способ распространения – чаще всего в узком кругу доверенных лиц. Возникший на рубеже 1913–1914 гг. студенческий журнал «*Анофелес*» представляет собой характерный продукт интеллектуальной и общественной жизни академии периода Первой русской революции. Издание, выпущенное в количестве шести номеров, было инициативой «*Студенческого общества самообразования*». Значимо, что деятельность этого «*Общества*» была сосредоточена в неформальном студенческом клубе, располагавшемся в одном из корпусов академии и носившем название «*Спиридоныч*». Данное название отсылает к фигуре Святого Спиридона Тримифунтского, почитаемого в христианской традиции в качестве небесного покровителя земледелия, скотоводства и крестьянского труда. Уже сам этот факт позволяет выявить специфическую культурную семиотику студенческой среды. Выбор столь специфического патроната для клуба, в стенах которого издавался журнал, носящий научное название (от лат. *Anopheles* – малярийный комар), может быть интерпретирован как проявление характерного для российской интеллигенции сложного отношения к традиции. С одной стороны, здесь присутствует формальное признание аграрной специфики Альма-матер через апелляцию к религиозному символу.

С другой – эта отсылка, будучи помещена в контекст прогрессистского и, вероятно, оппозиционного по духу издания, приобретает несомненные черты интеллектуальной иронии и светской перекодировки сакрального образа. Название журнала «*Anopheles*» – это род комаров, переносящих малярию, что символизировало «заражение» идеями свободы и критики существующих порядков. Это название также отражало интерес студентов к естественным наукам, которые были основой образования в академии. Таким образом, название клуба «*Спиридоныч*» служит ярким примером гибридизации традиционного и современного дискурсов в академическом сообществе начала XX в.

Название второго журнала – «*Артишоки и миндаль*» – уже само по себе является любопытным культурным артефактом. Оно сочетает в себе символы, отсылающие к аграрному профилю заведения (артишок как сельскохозяйственная культура), и образы, указывающие на иронию, экзотику или метафорическое осмысление действительности (миндаль). Такое название отражало творческий, несколько эпатажный дух создателей. Использование специфического жаргона, ироничных клише для профессоров и властей, цитат из «своих» авторов (К. Маркса, Ф. Ницше, Н.К. Михайловского) служили маркером принадлежности. Тот, кто понимал эти коды, был «свой». Через сатиру и критику

конструировался образ «чужого» – чиновника – «бюрократа», профессора – «ретрограда», благонамеренного однокурсника – «конформиста». Текстуальный анализ журналов позволяет фиксировать, как внутри небольшой группы формируются механизмы включения и исключения.

Историческая антропология уделяет внимание телесным практикам. Нелегальная деятельность редакций накладывала на студенческую периодику особый отпечаток, явственно проявившийся в политике жестов. Карикатуры и описания в журнале (например, изображение городского с брюхом или министра с жабьей головой) были не просто иллюстрациями, а актами символического насилия, «развенчания» власти через унижение её телесного образа. Характерным примером служит аллегорическая карикатура «Слон и Моська» на страницах «Анофелеса». Где Моська была представлена тянущей поводок и облаивающей слона, причём имела человеческое лицо одного из молодых профессоров и с характерной подписью: «а слон себе идет вперед» (Анофелес, 1914: 4). Подобная практика десятилетиями формировалась в стенах академии.

Журнал «Артишоки и миндаль» содержал характерную рубрику «Ужасы Петровки». Само название рубрики говорит о её критической направленности. В ней в сатирической форме описывались неудобства, абсурдные правила и конфликты академического быта. Одним из сюжетов этой рубрики была ироничная заметка о «смерти» надежды попасть на курсы луговодства: «После продолжительной и тяжелой агонии тихо скончалась надежда попасть на курсы луговодства. Вынос тела ежедневно из департамента земледелия. Отпевание в аудитории номер 17» (Артишоки и миндаль, 1913: 14). Эта заметка является ярким примером студенческого юмора и одновременно – критики бюрократических препонов в образовании. Как выяснилось, курсы луговодства, существовавшие с 1912 г. при Департаменте земледелия, имели столь жесткие квоты и требования к абитуриентам (например, ежегодно принималось не более 20 человек с высшим образованием), что для многих студентов они были практически недостижимы. Таким образом, через форму тоск-некролога студенты выражали реальное недовольство системой. Не уступал в критической иронии и «Анофелес», сопроводивший объявление «о создании музыкального кружка трудами наших товарищей» изображением «фиги» (Анофелес, 1914: 14).

Значительное внимание на страницах журналов уделяется проблеме питания. Пища как проблема исторической антропологии становится маркером социального статуса студенчества и экономического неравенства. Рацион студента был прямым отражением его материального положения, которое резко варьировалось – от детей богатых помещиков и промышленников до разночинцев, живших в крайней нужде. Во вседневности студентов Петровской академии первичным явлением была «экономика желудка». Для многих студентов проблема ежедневного пропитания была центральной. Скучная стипендия, деньги от уроков или переводов уходили на еду. Это порождало специфическую «гастрономию бедности»: питание в дешёвых столовых и трактирах считалось обыденностью (например, знаменитый «Русский трактир» на Маховой (Ванькин кабак) или «Крым» на Трубной для московских студентов). Петровское студенчество при наличии денег неизменно отдавало предпочтение ресторану – «Мартьяныч» и трактиру «У Арсентьяча». Ресторан Петра Николаевича Мартьянова в подвале Верхних торговых рядов мог разместить одновременно 300 посетителей. Изначально ресторан «Мартьяныч» не пользовался значительной популярностью, что было обусловлено рядом неблагоприятных факторов. Его расположение в подвальном помещении и непосредственная близость к устоявшимся гастрономическим центрам Москвы – таким как трактир Тестова, «Славянский базар» и Большой Московский трактир – создавали серьёзную конкурентную среду. Вопрос, таким образом, заключается в том, какими стратегиями руководство заведения сумело компенсировать исходные недостатки и добиться широкой известности.

Ключевым фактором успеха стало не столько физическое, сколько функциональное расположение. Расчёт делался на специфический контингент – студентов, посетителей деловых и торговых кварталов, которые, перемещаясь между лавками, нуждались в месте для кратковременного отдыха и недорогого перекуса. Но наиболее значимой стратегией стало предложение на рынке уникального ценового и качественного предложения. Ресторан славился сочетанием широкого ассортимента высококачественных блюд и демократичных цен. Кухня «Мартьяныча» была «необыкновенной» и включала как традиционные русские кушанья (блины с икрой, сибирские пельмени, молочный поросёнок с кашей), так и экзотические для того времени деликатесы (устрицы, импортные алкогольные напитки, свежие фрукты не в сезон). При этом стоимость полноценного ужина из трёх блюд с бокалом шампанского составляет всего один рубль, что делало его доступным для студентов. Провозглашённый девиз «Обслуживание первоклассное! Цены второклассные!» точно отражал эту маркетинговую политику (Московское наследие, 2019: 52-57). Именно ценовая доступность стала основным фактором притяжения для новой, растущей городской аудитории – учащейся молодёжи (студентов и курсисток), для которых посещение ресторана стало элементом городской социализации. Это позволило заведению занять уникальную нишу, предложив модель «приличного» и демократичного общественного досуга, что и обеспечило ему прочное место в московской жизни студенчества. Характерно, что на страницах журналов неоднократно фиксируется возвращение к сюжету памятных посещений «Мартьяныча» (Артишоки и миндаль, 1913).

С точки зрения исторической антропологии, деятельность владельца ресторана «Мартьяныч» представляет собой яркий пример конструирования новых социальных практик и символических пространств в городской культуре начала XX в. Его талант лежал не столько в области маркетинга в его узком понимании, сколько в мастерском создании и управлении символическим капиталом заведения. Ключевым инструментом этого конструирования была реклама как форма мифотворчества. Публикуемые в массовых изданиях (*Московское наследие, 2019: 55*), таких как сытинское «Русское слово», рекламные поэмы выполняли функцию не просто информирования, а ритуального заклинания. Они не перечисляли цены и меню, а создавали сложный образ ресторана как центра притяжения, места, где разворачивается сама жизнь современной Москвы. Эти тексты можно рассматривать как нарративы, формирующие коллективные представления о досуге и престиже. Но подлинной инновацией было превращение самого ресторанного пространства в площадку для перформативных практик. «Мартьяныч» функционировал не как статичное место для принятия пищи, а как трансформируемая сцена, где регулярно разыгрывались различные культурные сценарии: музыкальный дивертисмент и «гоголевские обеды», где блюда назывались именами литературных героев, представляли собой форму культурной рефлексии и игры. Это позволяло посетителям не просто есть, а участвовать в символическом действе, приобщаясь к высокой культуре в неформальной обстановке. Превращение зала в «уголок Парижа», «зверинец» или «морское дно» было актом символической трансгрессии – выхода за пределы обыденности. Эти практики позволяли горожанам совершать «воображаемые путешествия», что было особенно ценно в эпоху, когда массовый туризм ещё не сформировался.

Таким образом, «Мартьяныч» становился «гетеротопией» (*Фуко, 2006*) – иным, альтернативным пространством, где действовали свои правила и где повседневность могла быть временно отменена. Особое значение с антропологической точки зрения приобретают коллективные ритуалы, проводившиеся в ресторане. Празднование Татьянина дня, собиравшее в 1913 г. 600–700 студентов, было не просто застольем, а мощным актом корпоративной и городской идентификации. Ресторан становился ритуальным центром, где академическое сообщество воспроизводило и укрепляло свою солидарность. Точно так же встреча Нового года в «Мартьяныче» превращалась в коллективный ритуал перехода, знаменующий смену временного цикла в специально предназначенном для этого символическом месте. Следовательно, феноменальная популярность «Мартьяныча» объясняется не только кулинарными достоинствами, но и его способностью отвечать на глубокие антропологические потребности горожан в игре, ритуале, символическом участии в коллективной жизни и временном выходе за рамки социальных норм. Трактир «У Арсентьяча» располагался в Большом Черкасском переулке и славился рыбными блюдами и ветчиной. Трактиры Москвы того времени для студенчества выполняли не только функцию мест, где можно было поесть, но и выполняли роль своеобразных деловых клубов, где встречались люди, объединённые общей профессией или интересами. Простейшая еда на съёмных квартирах дополняла структуру питания «мира студента–петровца», и описание перманентного чувства голода проявлялось в фиксации проблематики в юмористических разделах «Артишока и миндаля» и «Анофелеса».

«Артишоки и миндаль» неоднократно обращаются к комеморации совместных приёмов пищи. Совместные трапезы могли как стирать, так и подчёркивать социальные границы. Пища становилась в студенческой среде не просто физиологической потребностью, а мощным социальным маркером. Совместные трапезы (в столовых, на съёмных квартирах) были важнейшим ритуалом, укреплявшим корпоративные связи (*Анофелес, 1914: 5-6*). За столом велись дискуссии, заключались дружеские союзы (*Артишоки и миндаль, 1913: 6*). Более состоятельные студенты могли позволить себе пирушки в ресторанах, кафе или трактирах, что также было формой социального различия (*Анофелес, 1914: 10, 13, 15*). Упоминания о еде в студенческих журналах (например, в юмористических заметках о «вечном голоде» или описаниях праздничных обедов) – ценный источник для понимания этих практик (*Артишоки и миндаль, 1913: 2*).

Ещё одним важнейшим маркером являлась перманентная фиксация во всех журналах на внешнем облике «студента-петровца». Одежда выступала в студенческой среде не только как «униформа» и способ идентичности, но как сложный семиотический код. Ношение официальной студенческой формы (фуражки, шинели, мундир с пуговицами) было обязательным вне стен учебного заведения. Это был знак принадлежности к государственной системе образования и дисциплины. В то же время в стенах университета или на неформальных собраниях допустима была гражданская одежда, что символизировало личную свободу. Определённые детали костюма становились политическими жестами. Например, ношение красного галстука являлось символом революционных убеждений, а неряшливость в одежде («рубаха-косоворотка», растрёпанные волосы) сознательно демонстрировала интеллектуальную принадлежность к богеме или пренебрежение к «мещанским» условностям. Анализ фотографий и карикатур в «Артишоки и миндаль» и рисунков Долин-Ивановского даёт богатейший материал для «прочтения» этого языка одежды.

Начало XX в. – время кардинальных изменений в гендерном вопросе, и студенческая среда была его авангардом. После волнений 1905 г. в институт стали принимать женатых, которым ранее запрещено было учиться здесь, а учащимся разрешили вступать в брак, что ранее тоже воспрещалось.

Очевидно, руководство вуза пошло на эти либеральные меры для того, чтобы ослабить революционный дух. Спустя три года, в 1908 г., в институт начали принимать и женщин. Правда, не на основные факультеты, а на специально созданные для них «Голицынские сельскохозяйственные курсы». От желающих учиться отбоя не было. По сведениям историка А.Б. Оришева, «первый прием составил 62 человека. В 1915 г. было принято уже 200 слушательниц, а желавших поступить на курсы было 910 человек. Общее же число студенток достигало 1500» (Оришев, 2016: 35). Организация «Голицынских курсов» проходила по схеме, заложенной указом 1905 г. о разрешении открывать частные женские курсы с программой обучения выше средней школы (Иванов, 1991: 100). Утверждалось «Положение» о курсах, создавались советы (попечительский, куда вошли С.К. Голицына, Д.Н. Прянишников, директор МСХИ И.А. Иверонов и др.; педагогический, или Совет преподавателей); утверждалась программа; набирались слушательницы (ЦГАМ. Ф. 453. Оп. 1. Д. 1-8). «Голицынские курсы» существовали на частные и общественные средства: пожертвования попечителей, в первую очередь С.К. Голицыной (Прянишников, 1957: 202), и взносы слушательниц (в размере 125 руб. в год) (ЦГАМ. Ф. 453. Оп. 1. Д. 142. Л. 4). Само присутствие курсисток в городском академическом пространстве было вызовом патриархальным нормам. Они зачастую сталкивались с предубеждениями, финансовыми трудностями и необходимостью совмещать учёбу с ведением хозяйства. Их опыт радикально отличался от опыта студентов-мужчин.

Университетская среда становилась пространством для формирования новых, более равноправных отношений между полами, основанных на интеллектуальном партнёрстве, общности политических и научных интересов. Однако эти отношения часто наталкивались на ревность, сплетни и пережитки старой морали. В студенческой периодике эта «борьба полов» активно обсуждалась – от фельетонов о кокетках до серьёзных очерков о женской эмансипации и суфражизме. Так, журнал «Анофелес» обращался к проблеме суфражизма посредством гротескной подачи путём изображения «разумовских» суфражисток с мужеподобными грузными комплекциями «дядя Саша и тетя Маша» (Анофелес, 1914: 14). Традиционная студенческая корпоративность была по своей сути маскулинной (обряды посвящения, кружковая деятельность). Появление женщин в этом пространстве ломало устоявшиеся модели, создавало новые формы общения и конфликты, что является крайне интересной проблемой для антропологического исследования.

Изучение социальной стратификации, питания, одежды, гендерных отношений расширяет мир повседневности студента Петровской академии начала XX в., позволяет увидеть, как «большая история» проживалась на микроуровне телесных практик и повседневных взаимодействий студенчества, превращая его в уникальную социальную группу на острие социальных изменений в России начала XX в. Таким образом, нелегальная студенческая периодика представляет для исторической антропологии ценнейший комплексный источник. Он позволяет услышать не только программные заявления, но и живой голос молодого человека начала XX в., увидеть, как идеологии усваивались, переживались и воплощались в конкретных практиках повседневной жизни. Через его призму история студенческого движения предстаёт не как хроника политических организаций, а как антропология молодости в условиях социального и политического кризиса, исследование того, как рождалась и утверждалась новая социальная идентичность.

5. Заключение

Анализ сохранившихся фрагментов «Артишоков и миндаля» позволяет выявить ключевые особенности протестного дискурса, характерного для студенчества Петровской академии. Прежде всего, это аллегория и эзопов язык. В условиях возобновления цензуры и риска репрессий прямая критика государственной политики была опасна. Поэтому протест выражался опосредованно – через аллегории, иронию, сатиру на бытовом уровне. История с «умершей надеждой» на курсы луговодства – классический пример использования эзопова языка для критики не конкретного чиновника, а всей системы ограничений в образовании. Критика повседневности – качества еды в столовой, сложностей учебного процесса, несправедливости преподавателей – не была мелочной. В контексте эпохи она носила политический характер. Борьба за улучшение условий жизни в академии воспринималась как часть более широкой борьбы за достоинство и права личности. Немаловажным фактором являлось формирование корпоративной идентичности. Высмеивая «ужасы Петровки», студенты одновременно конструировали общее чувство «мы», противопоставленное «они» – начальству, бюрократии. Журналы становились инструментом сплочения и выработки общей ценностной платформы, основанной на идеалах справедливости, взаимопомощи и свободы. Дискурс журнала отражал эти идеи, трансформируя их в сатирическо-бытовой план. Однако, в отличие от радикальных революционных изданий, призывавших к насильственному свержению строя, «Артишоки и миндаль», «Анофелес» представляли собой форму «мягкого», культурного сопротивления. Его главной целью было не разжигание революции, а защита корпоративных интересов, критика конкретных недостатков и, что немаловажно, творческое самовыражение молодой интеллигенции. В этом смысле журналы были важной вехой в формировании гражданской позиции будущей научной и технической элиты России.

Литература

- Анофелес, 1914** – Анофелес. М., 1914. 16 с.
- Артишоки и миндаль, 1913** – Артишоки и миндаль. М., 1913. Февраль. 19 с.
- Ацаркин, 1933** – *Ацаркин А.Н.* Пролетарское юношеское движение в Москве (1917 г.) М.: ОГИЗ, Молодая гвардия, 1933. 271 с.
- Болкунов, 2008** – *Болкунов А.Н.* Возникновение и становление студенческой периодики в России // *Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика.* 2008. Т. 8. Вып. 2. С. 74-82.
- Гусятников, 1971** – *Гусятников П.С.* Революционное студенческое движение России 1899–1907 гг. М.: Мысль, 1971. 264 с.
- Иванов, 1991** – *Иванов А.Е.* Высшая школа в России конца XIX – начала XX века. М.: Институт истории СССР, 1991. 392 с.
- Иванов, 2004** – *Иванов А. Е.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый Хронограф, 2004. 408 с.
- Московское наследие, 2019** – Московское наследие. Специальный выпуск. М.: Департамент культурного наследия города Москвы, 2019. 132с.
- Носова, 2007** – *Носова Ю.А.* Типологические особенности изданий для студентов в России начала XX в. // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 2007. №1. С.85–89.
- Оришев, 2016** – *Оришев А.Б.* Тайны российской аграрной науки: тимирязевский прорыв. [б. м.]: Издательские решения, 2016. 398 с.
- Пешников, 1973** – *Пешников В.В.* В.И. Ленин и студенческое движение России. М.: Высш. шк., 1973. 104 с.
- Положение, 1894** – Высочайше утвержденное положение о Московском сельско-хозяйственном институте и штат: [утверждено 6 июня 1894 г.]. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1894. 26 с.
- Прянишников, 1957** – *Прянишников Д.Н.* Мои воспоминания. М.: Сельхозгиз, 1957. 335 с.
- Сватиков, 1916** – *Сватиков С.Г.* Студенческая печать с 1755 по 1915 гг. М., 1916. 36 с.
- Тишкин, 1976** – *Тишкин Г.А.* Рукописные издания студентов университета в 1857–1858 годах / Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1976. Т. 3. С. 71-84.
- Устав..., 1865** – Устав Петровской земледельческой и лесной академии [Штат Петровской земледельческой и лесной академии и состоящей при ней фермы] [Утв. 27 окт. 1865 г.]. СПб., 1865. 17 с.
- Устав..., 1873** – Устав Петровской земледельческой и лесной академии: утвержден 16/28 июня 1873 года. М.: Губернская типография, 1873. 46 с.
- Фуко, 2006** – *Фуко М.* Другие пространства. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2006. Ч. 3: Статьи и интервью. 1970–1984. С. 191–205.
- ЦГАМ** – Центральный государственный архив г. Москвы.
- Юркина, 2023** – *Юркина Н.Н.* Эволюция корпоративной культуры русского студенчества в XIX – начале XX века // *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.* 2023. № 4 (81). С. 27-37.

References

- Anofeles, 1914** – Anofeles [Anopheles]. M., 1914. 16 p. [in Russian]
- Artishoki i mindal', 1913** – Artishoki i mindal' [Artichokes and almonds]. M., 1913. Fevral'. 19 p. [in Russian]
- Atsarkin, 1933** – *Atsarkin, A.N.* (1933). Proletarskoe yunosheskoe dvizhenie v Moskve (1917 g.) [Proletarian youth movement in Moscow (1917)]. M.: OGIz, Molodaya gvardiya. 271 p. [in Russian]
- Bolkunov, 2008** – *Bolkunov, A.N.* (2008). Vozniknovenie i stanovlenie studencheskoj periodiki v Rossii [The emergence and development of student periodicals in Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika.* 8(2): 74-82. [in Russian]
- Gusyatnikov, 1971** – *Gusyatnikov, P. S.* (1971). Revolyutsionnoe studencheskoe dvizhenie Rossii 1899–1907 gg. [Revolutionary student movement of Russia 1899–1907]. M., 264 p. [in Russian]
- Ivanov, 1991** – *Ivanov, A.E.* (1991). Vysshaya shkola v Rossii kontsa XIX – nachala XX veka [Higher education in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. M., 392 p. [in Russian]
- Ivanov, 2004** – *Ivanov, A.E.* (2004). Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: opyt kul'turnoi i politicheskoi samoorganizatsii [Student corporation of Russia in the late 19th – early 20th centuries: experience of cultural and political self-organization]. M., 408 p. [in Russian]
- Moskovskoe nasledie, 2019** – Moskovskoe nasledie. Special'nyj vypusk. [Moscow heritage. Special issue]. M., 2019. 132 p. [in Russian]
- Nosova, 2007** – *Nosova, Y.A.* (2007). Tipologicheskie osobennosti izdanij dlya studentov v Rossii nachala XX v. [Typological features of publications for students in Russia at the beginning of the 20th century]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. severo-kavkazskij region. obshchestvennye nauki.* (1): 85-89. [in Russian]

- Orishev, 2016** – Orishev, A.B. (2016). Tainy rossiiskoi agrarnoi nauki: timiryazevskii proryv [Secrets of Russian agricultural science: the Timiryazev breakthrough]: [b. m.]. 398 p. [in Russian]
- Peshnikov, 1973** – Peshnikov, V.V. (1973). V.I. Lenin i studencheskoe dvizhenie Rossii [V.I. Lenin and the student movement of Russia]. M. 104 p. [in Russian]
- Polozhenie, 1894** – Vysochajshe utverzhdennoe polozhenie o Moskovskom sel'skokhozyajstvennom institute i shtat [Utv. 6 iyunya 1894 g.] [The highest approved regulations on the Moscow Agricultural Institute and its staff: [approved on June 6, 1894]]. SPb., 26 p. [in Russian]
- Pryanishnikov, 1957** – Pryanishnikov, D.N. (1957). Moi vospominaniya [My memories]. M., 335 p. [in Russian]
- Svatikov, 1916** – Svatikov, S.G. (1916). Studencheskaya pechat' s 1755 po 1915 gg. [Student press from 1755 to 1915]. M., 36 p. [in Russian]
- Tishkin, 1976** – Tishkin, G.A. (1976). Rukopisnye izdaniya studentov universiteta v 1857–1858 godakh [Handwritten publications by university students in 1857–1858]. Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta. (3): 71-84. [in Russian]
- Ustav..., 1865** – Ustav Petrovskoi zemledel'cheskoi i lesnoi akademii [Charter of the Petrovskaya Agricultural and Forestry Academy]. [Shtat Petrovskoi zemledel'cheskoi i lesnoi akademii i sostoyashchei pri nei fermy] [Utv. 27 okt. 1865 g.]. SPb., 1865. 17 p. [in Russian]
- Ustav..., 1873** – Ustav Petrovskoi zemledel'cheskoi i lesnoi akademii: utverzhden 16/28 iyunya 1873 goda [Charter of the Petrovskaya Agricultural and Forestry Academy: approved on June 16/28, 1873]. M.: Gubernskaya tipografiya, 1873. 46 p. [in Russian]
- Fuko, 2006** – Fuko, M. (2006). Drugie prostranstva. Intellektualy i vlast' [Other spaces. Intellectuals and power]. M. Pp. 191-205. [in Russian]
- TsGAM** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv g. Moskvy [Central State Archives of Moscow].
- Yurkina, 2023** – Yurkina, N.N. (2023). Evolyutsiya korporativnoi kul'tury russkogo studenchestva v XIX – nachale XX veka [The evolution of the corporate culture of Russian students in the 19th and early 20th centuries]. Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina. (4): 27-37. [in Russian]

Феномен студенческой печати начала XX века как объект исторической антропологии: к прочтению «текстов снизу» («Артишоки и миндаль» и «Анофелес»)

Руслан Асланович Тлепцок ^a · *

^a Российский государственный аграрный университет МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена студенческой периодики Российской империи начала XX в. через призму методологии исторической антропологии. В качестве ключевого объекта анализа выступают рукописные журналы Петровской земледельческой академии – «Артишоки и миндаль» и «Анофелес», рассматриваемые как ценные «тексты снизу», позволяющие реконструировать повседневность, ментальность и практики студенчества. В работе подчёркиваются методологические сложности атрибуции и типологии студенческих изданий, обусловленные лиминальным статусом студенчества как социальной группы и смешанным составом редакций. Автор детально анализирует, как в текстах этих журналов конструировалась групповая идентичность, выражались протестные настроения с помощью эзопова языка, сатиры и иронии, а также фиксировались ключевые аспекты повседневной жизни: «экономика желудка» и гастрономические практики (на примере ресторана «Мартьяныч»), семиотика одежды, гендерные отношения и телесные практики. Делается вывод о том, что студенческая периодика представляет собой комплексный источник для изучения не только политических идей, но и способов формирования новой социальной идентичности, «истории чувств» и символических кодов студенческой субкультуры в предреволюционную эпоху.

Ключевые слова: историческая антропология, Петровская земледельческая академия, студенческая печать, «тексты снизу», повседневность студенчества Российской империи, «Артишоки и миндаль», «Анофелес», микроистория.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bum102@yandex.ru (Р.А. Тлепцок)